

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Р.Н. Пархоменко

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И РАЗВИТИЕ ИДЕИ СВОБОДЫ В ГЕРМАНИИ

Аннотация. Предметом исследования в данной статье является феномен философского течения «консервативной революции», возникшего в Германии в первой трети прошлого столетия и оказавшего большое влияние на политическое и интеллектуальное развитие Германии той эпохи. Показано, что течение консервативной революции явилось отражением особенных черт психологии германского народа, которые, с одной стороны, отдаляли его от классической западной идеологии либерализма и индивидуализма, а с другой – сближали с российской традицией соборности и коллективизма. Методологией исследования является изучение оригинальных текстов на немецком языке, а также научной литературы, опубликованной в последнее время у нас в стране. В статье показаны основные особенности философского и политического течения консервативной революции в Германии, которые повлияли на своеобразную рецепцию западных либеральных идей англосаксонского типа в Германии и способствовали выработке своего собственного понимания идеи свободы. Помимо этого, автор раскрывает специфические черты германского менталитета и сопоставляет его с российским менталитетом.

Ключевые слова: консервативная революция, Германия, Россия, свобода, коллективизм, менталитет, либерализм, национализм, индивидуализм, политика.

Феномен течения «консервативной революции», возникшего в Германии в первой трети прошлого столетия и оказавшего большое влияние на политическое и интеллектуальное развитие Германии той эпохи, явился ярким выражением особенных черт германского менталитета, которые, с одной стороны, отдаляли его от западной идеологии индивидуализма, а с другой – сближали с российской традицией соборности и коллективизма. В данной статье автору хотелось бы кратко обозначить основные особенности течения консервативной революции в Германии, повлиявшие на своеобразную рецепцию западных либеральных идей в Германии, в определенных моментах схожую с непростой судьбой либерализма у нас в стране.

Работу «Размышления аполитичного» Т. Манна, опубликованную в 1918 г. принято считать первым программным произведением этого феномена в Германии; также Т. Манн и впервые использовал термин «консервативная революция» в своем предисловии к антологии русских писателей, правда, несколько позже – в 1921 г. Необходимо заметить, что в современном устоявшемся смысле это понятие было употреблено и теоретически обосновано еще позднее, а именно в книге известного

германского историка А. Молера¹, выдержавшей позднее несколько переизданий. Самыми видными представителями течения консервативной революции традиционно считаются О. Шпенглер, Э. Юнгер, Ф. Юнгер, К. Шмитт, М. Хайдеггер, В. Зомбарт, Х. Фрейер, А. Меллер ван дер Брук, О. Шпанн, Э. Никиш. Общими идеями для всех этих мыслителей было неприятие Версальского договора и Веймарской республики, критика парламентской демократии и основных положений идеологии либерализма.

По мнению Молера, новым в течении консервативной революции в Германии было то, что, в отличие от «классических» версий консерватизма и национализма, нация понималась как некое «душевное состояние» и как империя, не совпадающая с географическими границами определенного национального государства. Таким образом, у представителей консервативной революции в Германии национализм понимался в смысле идеи европейской федерации.

В политическом смысле консервативная революция была задумана как национально-освобо-

¹ Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950.

дительная революция, направленная против идей Версальского договора: «на место либерализма и механической организации общества должно прийти органическое единство нации [...], в котором снимаются все противоречия эпохи. Консервативная революция мыслилась как нечто противоположное революции и «идеям 1789» – как восстановление вечных ценностей»² и как тотальная мобилизация всех человеческих и материальных ресурсов и создание плановой экономики. Представители этого течения консервативной мысли говорили о необходимости соединения консерватизма и социализма, для того, чтобы противопоставить эти идеи англо-американскому либерализму. В философском смысле также противопоставляются германская «культура» и англо-французская «цивилизация», и, вообще, Германия как страна высокой духовной культуры противопоставляется торгашескому капиталистическому «Западу», т.н. «английскому духу». На место утилитаризма ставится сила духа, долг, преданность и героизм. Эти идеи получили особенное развитие в трудах *М. Шелера*, *В. Зомбарта* и *Т. Манна*.

Именно у Манна мы находим целый ряд высказываний о сходстве России и Германии как «консервативных» стран, где господствуют духовные ценности, несовместимые с идеологией прагматизма и утилитаризма англосаксонских стран. Таким образом, нетрудно заметить, что в течении консервативной революции национальная тема совпадает с темой нового консерватизма как «отвержения обычного для консерватизма обоснования земной иерархии ссылками на небесную, на извечно установленный божественный порядок. Вслед за Ницше они [представители течения консервативной революции] отвергают «удвоение мира» и трансцендентный моральный порядок»³.

Идеалом человеческой личности у Юнгера и Никеша выступает рабочий, главной ценностной установкой которого является не индивидуализм, а коллективизм, дисциплина и разделение труда, а свобода понимается как возможность трудиться, а не вести бесконечные дебаты в парламенте. По мнению современных исследователей, течение консервативной революции демонстрирует ярко

выраженные авторитарные и антиэгалитарные черты: если рассмотреть это течение в аспекте политической философии, то его главный смысл можно выразить как репрезентацию авторитета, а также прямое противопоставление легальности и легитимности. «Отсюда объясняется, в частности, взывание к верховной власти, выступающей у разных авторов под разными именами, но имеющей один и тот же общий смысл. Ведь и «цезарь» Шпенглера, и «государственный муж» [...] Фраейера, и «рабочий» Юнгера отвечают требованию легитимации в условиях ее отсутствия, в условиях дискредитации легальных демократических институтов»⁴.

Не случайно К. Шмитт пытался обосновать понятие «децизионизма» (теории принятия решений), опираясь на «Левиафан» Т. Гоббса. Для обоснования легитимности законов властью используется страх смерти. Детальный анализ вопроса о легитимности власти можно найти в работе Э. Юнгера «Рабочий» (1932), которая хронологически считается одной из последних программных работ течения консервативной революции как общественно-политического и интеллектуального феномена Германии первой трети прошлого столетия.

Именно у Юнгера хорошо видна двойственность и двусмысленность течения консервативной революции, находящейся между двумя полюсами – крайним проявлением революции и крайним проявлением авторитаризма и только лишь подчеркивается попыткой сочетания моральной и политической сфер. У Юнгера тотальная мобилизация знаменует, помимо прочего, и модернизацию технических средств ведения военных действий, способствующую «выходу» чисто национального конфликта на мировую арену. Именно таким образом снимается вопрос о рациональной и моральной оправданности средств ведения военных действий и утрате «юридического» различия между состояниями войны и мира. В этой ситуации Юнгер и формулирует свой вопрос о том, существует ли точка, в которой «власть и право тождественны»? Потому что только в этой точке о войне и мире возможно принятие «авторитарного решения»⁵.

² Руткевич А.М. Консервативная революция // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 287.

³ Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Руткевич А.М. Консерваторы XX в. М., 2006. С. 77.

⁴ Михайловский А.В. Консервативная революция: апология господства // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Ред. Л.Е. Бляхер, Б.В. Межуев, А.В. Павлов. СПб., 2008. С. 268-269.

⁵ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт: Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000. С. 279.

По мнению Юнгера, вопрос о сути политической легитимации власти представляет собой вопрос об «особенном и необходимом, но никоим образом неволей определяемом отношении к власти, которое можно определить и как некое задание. Как раз эта легитимация и дает бытию явиться уже не как чисто стихийной, но как исторической власти. Мера легитимации определяет меру господства, которой можно достичь благодаря воле к власти. Господством мы называем то состояние, в котором безграничное пространство власти стягивается в точку, откуда оно проявляется как пространство *права*»⁶. Именно поэтому вопрос об обосновании легитимности власти, или, иначе говоря, вопрос о тождестве власти и права, как полагал Юнгер, не может быть выведено из последовательного следования политическим максимам XIX столетия, – такое обоснование может быть достигнуто лишь *революционным* путём. Поэтому новое обоснование государственной власти у теоретиков консервативной революции шло по пути реконструкции власти революционным и авторитарным способом. При этом были рассмотрены разные аспекты такого обоснования: у Шпенглера речь шла о понятии «немецкого социализма», Мёллер ван ден Брук говорил об имперском величии Германии, Эрнст Юнгер – как это было показано выше – дал свою трактовку национализма, К. Шмитт раскрыл понятие авторитаризма, а Э.Ю. Юнг подверг критике идеологию либерализма и формальной демократии.

Сегодня особый интерес представляет исследование вопроса о том, как идеи течения консервативной революции повлияли на восприятие либеральных идей в Германии и на формирование германского идентитета. Если попытаться сегодня осмыслить судьбу либерализма в Германии, то нетрудно заметить, что в Германии либерализм долгое время был очень непопулярной и даже «нелюбимой» идеологией в политических кругах. Это, в свою очередь, привело к тому результату, что в первой половине XX в. в Германии идеи либерализма потерпели полный крах. Очень часто такое «неприятие» либеральных идей в Германии объясняется психологическими особенностями и менталитетом немецкого народа, крайним проявлением которого было возникновение реальной ситуации, способствовавшей расцвету национал-социалистской идеологии и приходу к власти Гитлера.

В этой связи известный отечественный исследователь Ю. Пивоваров ссылается на размышления Томаса Манна, который часто говорил о т.н. «провинциализме», присущим немецкой душе, что, в свою очередь, указывает на неприятие идей политической свободы классического англо-саксонского образца в Германии⁷. В Германии понятие нации не приравнивалось к понятию свободы, поскольку понимание свободы в Германии стояло очень близко к «народно-антиевропейскому», даже варварскому восприятию идеи свободы. В Германии свобода воспринималась, прежде всего, как внутренняя свобода индивида, его моральный долг. Поэтому, хотя либерализм классического западного образца в Германии и был нелюбим, тем не менее, в немецкой культуре понятие свободы индивида все же было представлено – в отличие от российской интеллектуальной традиции.

В России либерализм был, так сказать, «задавлен» – с одной стороны реакционной идеологией, а с другой – революционными течениями. Если обратиться к отечественной истории, то нетрудно заметить, что в политической жизни России XX века либеральные идеи играли заметную роль лишь восемь месяцев – с февраля по ноябрь 1917 г. – в то время как в политической философии России либеральные идеи получили свое заметное развитие⁸. В истории политической мысли в России традиционно выделяется два периода: ранний «благородный» либерализм 1840-80-х гг. и «новый» либерализм начала XX столетия. На сегодняшний день в нашей стране происходит «открытие» этого нового либерализма, когда важнейшие произведения русских либеральных мыслителей начинают переиздаваться и подробно изучаться. Также в российском либерализме можно выделить и т.н. «фазу эмиграции» – когда сначала крупнейшие отечественные мыслители в 1920-40-х гг. вынуждены были эмигрировать за границу, а затем в СССР возникает движение, получившее название «диссидентства» – 1960-70-е гг.

Либерализм в России всегда был своего рода «внутренней эмиграцией» интеллектуалов: они пытались скрыться от наличных политических условий в область «абстрактного гуманизма». «Се-

⁶ Там же. С. 131-132 (курсив мой – Р.П.).

⁷ Pivovarov J. Der ungeliebte Liberalismus // Luks L. / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien, 2001. S. 95.

⁸ Ср.: Ibid. S. 97.

годня ситуация изменилась. Но в известной мере российские либералы сохраняют свою роль «внутренних эмигрантов». И большинству российского населения либеральные идеи чужды»⁹.

В Германии носителем идеологии либерализма выступил средний класс, широкий слой среднего сословия, в России либеральные идеи изначально были прерогативой элиты – дворянства и интеллектуалов, которые при этом постоянно искали компромисс с существующей властью. Быть может поэтому развитие послевоенной Германии так хорошо «вписалось» в основные установки классического англо-саксонского образца и вылилось в создание политической системы федерального устройства. Тем не менее, развитие Германии в XX столетии было полно противоречий.

Если сравнить опять-таки развитие идей свободы и демократии в России и Германии, то можно заметить, что одним из главных различий между западным демократическим развитием общества и германским, равно как и российским, было стремление радикальных сил к установлению авторитарных режимов в этих двух странах. «США, Великобритания и Франция всегда рассматривали себя как часть всемирного экономического порядка и, вследствие своих экономических структур просто не могли иметь своей целью создание авторитарных режимов. Напротив, идея свободной торговли была важнейшей движущей силой американской внешней политики. Свободное обращение товаров, упразднение торговых ограничений и таможен, было (и есть) центральным мотивом американской политики. Благополучие страны должно было расти не благодаря мировой изоляции от других стран, а благодаря конкуренции и торговле. Как главная цель государства было повышение благосостояния населения, а не увеличение власти в государстве»¹⁰.

Еще Ф. Ницше говорил о большой популярности особой «добродетели» в Германии – добродетели силы, власти, порядка. Напротив, западные англосаксонские общества отвергают т.н. «статичное» представление о силе как гаранте порядка в обществе.

В англосаксонских странах утвердилось «динамическое» понимание государственного устрой-

ства: здесь признается относительность ценностных установок и предпочтений, а в качестве организующего принципа государства выступает прагматическое и эффективное понимание политики – любое идеологизирование политики здесь отвергается. Если правительство не может эффективно и рационально управлять государством, то тогда выбирается другое правительство. Поэтому такая «особость», равно как и «особый путь» России и Германии западными интеллектуалами часто характеризуется как путь, ведущий из цивилизованного мира в варварство¹¹. Разница между этими двумя странами была лишь во *внешней оценке* «особых путей» России и Германии – если для западных наблюдателей российский тоталитаризм был обусловлен географическим положением (Россия «неполноценная» Европа), авторитарными традициями и в какой-то степени прогнозируем, то расцвет национал-социализма в Германии потряс всю Европу до самого основания.

Стоит отметить, что о недостаточном внимании немцев к сфере политического в своей работе «Запоздалая нация» писал еще Хельмут Плеснер¹². Размышляя об «особом пути» (Sonderweg) Германии и о германской национальной идее, Плеснер попытался проанализировать истоки зарождения подобных идей. По его мнению, исторические условия формирования германского государства сложились так, что немецкие княжества, охваченные процессами объединения, оказались в ситуации выбора, следовать ли идее государственной организации на основании языка, или же идее германского Рейха. Выход был найден в том, что немцы, жившие в Австро-Венгрии не стали частью новой империи. Плеснер полагал, что с XVII в. «Германия начинает отдаляться от Запада»¹³, а военные и государственные чиновники начинают доминировать в стране: «В Европе три народа не принимали с начала XVII века участие в развитии современного государственного сознания: Испания, Италия и Германия. Ибо в решающий отрезок времени судьба была против них»¹⁴.

В исследованиях германских философов и историков также часто воспроизводится мысль Хайнриха фон Трейчке, который подчеркивал

⁹ Ibid. S. 99.

¹⁰ O'Sullivan D. Der Wille zur Macht – deutsche und russische Sonderwege aus westlicher Sicht // Luks L. / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien, 2001. S. 207.

¹¹ Ibid. S. 211.

¹² Plessner H. Die verspätete Nation. Stuttgart, 1962.

¹³ Ibid. S. 42.

¹⁴ Ibid.

принципиальное противоречие между «немецкой культурой, с одной стороны, и англосакским материализмом и русским варварством, с другой»¹⁵. Но если германские интеллектуалы видели свое главное отличие от «Запада» в развитой духовной культуре Германии, то сам «Запад» расценивал германский национализм и идею «особого пути» Германии в Европе и в мире как зависть и обиду немцев по отношению к «лидерам буржуазного мира» за то, что их (немцев) не замечают и явно недооценивают.

Очень показательна здесь точка зрения известного культуролога, профессора Бостонского университета Лии Гринфельд которая характеризует пять основных европейских культурно-исторических типов национальных государств на примере Англии, Франции, России, Германии и Америки¹⁶. Результат подобного исторического анализа достаточно предсказуем – Гринфельд как профессор Бостонского университета в качестве наиболее совершенной модели государственного устройства называет, конечно же, США, а англо-американская либеральная традиция оценивается ею как исторически первая и самая совершенная традиция либерализма в мире. Разумеется, в том, что касается происхождения и ценности либеральных традиций – здесь с мнением Гринфельд трудно поспорить. Некое неприятие вызывают достаточно одиозные и однобокие трактовки демократически «отсталых» стран – России и Германии. Тем не менее, всегда интересно взглянуть на себя самих глазами других, тем более что работа, проделанная Гринфельд, колоссальная.

Так, по мнению Гринфельд, развитие германского национального сознания заметно отличалось от английского, французского и русского: «Немецкое национальное сознание проявилось существенно позже; оно только зародилось во время освободительных войн против Наполеона в начале XIX в. И во Франции, и в России национальное чувство твердо укоренилось, а понятие «нация» доминировало в политической риторике к 1800 г.; в Англии национальная идентификация проявилась с XVI столетия. Тем не менее, развитие национального сознания в Германии происходило исключи-

тельно быстро»¹⁷. Германская национальная идентичность формируется, при этом, не аристократией и правящей элитой, а людьми интеллектуального труда – как результат долгого и мучительного процесса «интеллектуального брожения», подстегиваемого чувством «социальной неполноценности». Основными германскими духовными и интеллектуальными традициями, способствовавшими возникновению национального сознания, по мысли Гринфельд, были *пиетизм* и *ранний романтизм*.

Главным носителем национального самосознания в Германии выступал средний класс: среди Англии, Франции, России и США, Германия – это единственная страна, подтверждающая точку зрения о том, что национализм – это «феномен, порожденный средним классом. Его лидеры на пути к национальной идентификации – выходцы скорее из буржуазии, чем из аристократии. Это исключение, однако, подтверждает правило, что интеллектуалы из среднего класса, предвестники и архитекторы немецкой национальности, имели мало общего и с буржуазией в целом, и с дворянством, глядевшим на них сверху вниз, да и с крестьянством, из которого большинство их и вышло»¹⁸. Идея нации в Германии зародилась в эпоху Просвещения, когда преобладающим настроением в стране был космополитизм. Пиетизм, повлиявший на становление немецкого национального самосознания, нашел свое продолжение в романтизме, который использовал в секуляризованном виде основные идеи пиетизма. Отношение романтизма к идеям свободы и равенства было таковым, что романтики в Германии «не понимали и не чувствовали вкуса к свободе личности – то есть к личной независимости и свободе от принуждения и деспотичного правительства. Свобода, понимаемая таким образом казалась им чуждой, и они высмеивали ее»¹⁹.

Истинной свободой в Германии, по мнению Гринфельд, была свобода исполнить цели природы. Поэтому свобода и была «осознанной необходимостью» – она могла проявиться лишь при полном подчинении личности *коллективу* и *власти государства* – при ликвидации и неприятии *индивидуальной* свободы личности. В конечном счете, немецкие романтики в течение двух столетий занимались поисками некоей «страны-мечты»,

¹⁵ Цит. по: Löwentahl R. Teilnahme an der Diskussion // Miller S. / Ristau M. (Hgg.). Erben der deutschen Geschichte. Hamburg, 1988. S. 65.

¹⁶ Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. М., 2008.

¹⁷ Там же. С. 263.

¹⁸ Там же. С. 278.

¹⁹ Там же. С. 329.

где индивид принесен в жертву личности, а свою свободу он обретает в повиновении «полусвятым гениям», чья власть является абсолютной. Как мы видим, здесь можно провести прямые параллели как с русским соборным сознанием, где невыделенность отдельной личности из клана, коллектива являлась также определяющей характеристикой национального менталитета, так и с авторитарным построением российского государства и его ставкой на силу.

Преобразование и перерождение романтического менталитета в национализм было «внезапным и непредусмотренным» и было вызвано вторжением и победами французской армии – поэтому Гринфельд определяет немецкий национальный путь как «антифранцузский». Первым выражением «воскресшего» в XIX и XX вв. немецкого романтизма и нарождающегося немецкого национального самосознания «стала война с Францией. Это объясняет, почему немецкий национализм, который созрел так поздно и почти без предупреждения, незамедлительно стал самым активистским, сильным и обладающим ксенофобным характером феноменом»²⁰. Германия, хотя в своих собственных представлениях и была частью Запада, тем не менее, она «черпала» свое вдохновение у «более передовых» западных наций – Франции и Англии – и подражала им. Поэтому и национальная гордость Германии зависела от того, насколько она могла похвалиться своими собственными достижениями перед «более передовыми» западными странами и от того, насколько эти страны признавали успехи Германии. Победа Наполеона, равно как и «жалкое и смехотворное» состояние немецкого общества привели к тому, что национальная гордость в Германии была постоянно уязвлена.

Поэтому, по мысли Гринфельд, возникновение немецкого национального сознания и национализма является ни чем иным, как результатом «анти-западного *ressentiment*, внедренным в сложную систему пието-романтической мысли»²¹. Немецкое национальное сознание, полагает Гринфельд, отличают следующие характерные черты: взгляд на западный мир как нечто недостойное и порочное; взгляд на современного человека как некую нецельную личность, отчужденную от общества и своей собственной сущности; определение «об-

щественной сущности» как истинной природы человека; стремление изменить существующее общество радикальными средствами (даже путем войны или революции); и, наконец, упор на интеллектуалов как главных носителей идей радикальных преобразований в обществе.

В качестве вывода профессор Бостонского университета проводит мысль о том, что, как немцы-марксисты, так и немцы-антисемиты – все они «вылетели из одного гнезда. Их сжигало одно и то же желание, и враг у них был один и тот же. Дух и ум их был все еще духом пиетистов и романтиков. Их влекли ненависть, злоба и обида (*ressentiment*) на Запад. И те, и другие истово стремились к исполнению национальной мечты – голубому цветку – искали его, одни с правой стороны дороги, другие – с ее левой стороны. Когда они, вроде бы, его нашли, и у тех, и у других он оказался красного цвета»²². И хотя романтизм и сыграл очень большую роль в формировании германского национального идентитета, все же не стоит абсолютизировать это течение, особенно в ущерб к собственно германскому пониманию идеи свободы, которое, хотя и не идентичное англо-американскому индивидуализму, все же присутствовало в германской интеллектуальной и духовной традиции.

Обращаясь к исконно германскому пониманию идеи свободы, хотелось бы обратить внимание на то, что это понятие хорошо коррелируется с понятием русской соборности. Среди немцев очень хорошо развито внутреннее чувство долга, чувства превосходства целого над его частями, а также необходимости отдачи своего долга этому целому, т.е. государству и нации. Также и служение общей национальной идее всегда было важно в германской интеллектуальной и духовной традициях. Кроме этого, в Германии всегда подчеркивались ценности индивидуального образования и т.н. «внутренней духовности». То есть в германской интеллектуальной традиции и менталитете, так же, как в русской традиции, мы видим невыделенность субъекта из общества и подчинение отдельного человека целому (нации или обществу). А это позволяет напрямую соотнести русский и германский типы ментальности, особенно в контексте вопроса о рецепции и развитии либеральных идей в обеих странах.

Представляется, что мессианские идеи об «особом пути» и предназначении России в мире, постоянные духовные поиски смысла жизни, а

²⁰ Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. М., 2008. С. 340.

²¹ Там же. С. 365 (курсив мой – Р.П.).

²² Там же. С. 374.

также размышления об особом складе души россиян во многом предопределили как историческую судьбу, так и современную ситуацию в нашей стране. В этом смысле очень важно обнаружение параллелей между историческим и политическим развитием России и Германии, поскольку именно у этих двух народов постоянно возникала потребность в поиске своего «особого пути» и «метафизических корней» личности. Однако принципиальная разница между современными Россией и Германией состоит в том, что для немцев идея *Sonderweg* (особого пути) уже давно потеряла всю свою привлекательность и оценивается как устаревшая и изжившая себя идея. Сегодня в Германии руководство страны, да и рядовые немцы, находятся под сильным влиянием идей либерализма англо-американского образца, равно как и во внешней и во внутренней политике ФРГ просматривается сильная зависимость от установок и интересов США. И хотя данный факт достаточно четко осознается, однако самими немцами подобная политика Германии признается правильной и перспективной.

В заключении хотелось бы тезисно сопоставить сходства и различия между Россией и Германией по восприятию идей свободы и либерализма. Как представляется, определяющими здесь можно назвать следующие важные особенности:

- понятие нации в Германии не приравнивалось к понятию свободы, поскольку понимание свободы в Германии стояло очень близко к «народно-антиевропейскому» восприятию идеи свободы – в духе идей консервативной революции;
- в Германии свобода воспринималась, прежде всего, как *внутренняя* свобода индивида, как

его *моральный долг*. Поэтому, хотя либерализм классического западного образца в Германии и был нелюбим, тем не менее, в немецкой культуре понятие свободы индивида все же было представлено;

- Ф. Ницше говорил о большой популярности особой «добродетели» в Германии – добродетели силы, власти, порядка. Напротив, западные англосаксонские общества отвергают «статичное» представление о силе как гаранте порядка в обществе;
- носителем идеологии либерализма в Германии выступил средний класс, в России – дворянство и интеллектуалы, постоянно искавшие компромисс с существующей властью;
- в России возникла своя собственная «специфическая» версия «славянского» либерализма, когда место *правовых* гарантий свободы личности заняли *гуманистические идеалы* и идеал «правды»;
- появление и развитие либеральных идей в России произошло не в результате последовательного *внутреннего* развития общества, а в результате усилий властей. В отличие от западных обществ, которые, начиная с XVI и XVII вв. становились все более антропоцентрическими, в России главным принципом государственного управления всегда была *сила* – как и в Германии;
- наконец, помимо этого, в России и Германии идеям гражданского либерального общества противостояли и составляли сильную конкуренцию идеи «политического романтизма» и «консервативной революции».

Список литературы:

1. Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. М., 2008.
2. Манн Т. Германия и немцы // Манн Т. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1961. Т. 10.
3. Манн Т. Культура и политика // Манн Т. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1961. Т. 10.
4. Михайловский А.В. Консервативная революция: апология господства // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Ред. Л.Е. Бляхер, Б.В. Межуев, А.В. Павлов. СПб., 2008.
5. Пархоменко Р.Н. «Русская идея» в современном мире // Педагогика и просвещение. 2011. № 4. С. 38-46.
6. Пархоменко Р.Н. Идея свободы в консервативной интеллектуальной традиции: Россия и Германия. М.: Ленанд, 2014.
7. Пархоменко Р.Н. Россия и Запад: право против морали? // Политика и общество. 2014. № 3. С. 302-312. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.3.9497).
8. Пивоваров Ю.С. Полная гибель всерьез: Избранные работы. М.: РОССПЭН, 2004. 320 с.
9. Пивоваров Ю.С. Русская власть и исторические типы ее осмысления // Российская политика на рубеже веков. К десятилетию Фонда «Российский общественно-политический центр» / Под ред. С.В. Михайлова и др. М., 2001.
10. Руткевич А.М. Консервативная революция // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 287.
11. Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Руткевич А.М. Консерваторы XX в. М., 2006.
12. Трельч Э. Немецкая идея свободы (1925) // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX в.) / Под ред. М.А. Абрамова. М., 2000.

13. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт: Тотальная мобилизация. О боли. СПб., 2000.
14. Löwentahl R. Teilnahme an der Diskussion // Miller S. / Ristau M. (Hgg.). Erben der deutschen Geschichte. Hamburg, 1988.
15. Mann Thomas Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt a.M., 1983.
16. Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950.
17. Pivovarov J. Der ungeliebte Liberalismus // Luks L. / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien, 2001.
18. Parkhomenko R. Cassirers politische Philosophie: Zwischen allgemeiner Kulturtheorie und Totalitarismus-Debatte. Karlsruhe: Universitätsverlag Karlsruhe, 2007.
19. Plessner H. Die verspätete Nation. Stuttgart, 1962.
20. O'Sullivan D. Der Wille zur Macht – deutsche und russische Sonderwege aus westlicher Sicht // Luks L. / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im und Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien, 2001.

References (transliteration):

1. Grinfel'd L. Natsionalizm: pyat' putei k sovremennosti. M., 2008.
2. Mann T. Kul'tura i politika // Mann T. Sobr. soch. v 10-ti tt. M., 1961. T. 10.
3. Mann T. Germaniya i nemtsy // Mann T. Sobr. soch. v 10-ti tt. M., 1961. T. 10.
4. Mikhailovskii A.V. Konservativnaya revolyutsiya: apologiya gospodstva // Kontsept «revolyutsiya» v sovremennom politicheskom diskurse / Red. L.E. Blyakher, B.V. Mezhuev, A.V. Pavlov. SPb., 2008.
5. Parkhomenko R.N. «Russkaya ideya» v sovremennom mire // Pedagogika i prosveshchenie. 2011. № 4. S. 38-46.
6. Parkhomenko R.N. Ideya svobody v konservativnoi intellektual'noi traditsii: Rossiya i Germaniya. M.: Lenand, 2014.
7. Parkhomenko R.N. Rossiya i Zapad: pravo protiv morali? // Politika i obshchestvo. 2014. № 3. S. 302-312. (DOI: 10.7256/1812-8696.2014.3.9497).
8. Pivovarov Yu.S. Russkaya vlast' i istoricheskie tipy ee osmysleniya // Rossiiskaya politiya na rubezhe vekov. K desyatiletiiyu Fonda «Rossiiskii obshchestvenno-politicheski tsestr» / Pod red. S.V. Mikhailova i dr. M., 2001.
9. Pivovarov Yu.S. Polnaya gibel' vser'ez: Izbrannye raboty. M.: ROSSPEN, 2004. 320 s.
10. Rutkevich A.M. Prusskii sotsializm i konservativnaya revolyutsiya // Rutkevich A.M. Konservatory XX v. M., 2006.
11. Rutkevich A.M. Konservativnaya revolyutsiya // Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 2. M., 2010. S. 287.
12. Trel'ch E. Nemetskaya ideya svobody (1925) // O svobode. Antologiya mirovoi liberal'noi mysli (I polovina XX v.) / Pod red. M.A. Abramova. M., 2000.
13. Yunger E. Rabochii. Gospodstvo i geshtal't: Total'naya mobilizatsiya. O boli. SPb., 2000.
14. Löwentahl R. Teilnahme an der Diskussion // Miller S. / Ristau M. (Hgg.). Erben der deutschen Geschichte. Hamburg, 1988.
15. Mann Thomas Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt a.M., 1983.
16. Mohler A. Die konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart, 1950.
17. Pivovarov J. Der ungeliebte Liberalismus // Luks L. / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im 19. und 20. Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien, 2001.
18. Parkhomenko R. Cassirers politische Philosophie: Zwischen allgemeiner Kulturtheorie und Totalitarismus-Debatte. Karlsruhe: Universitätsverlag Karlsruhe, 2007.
19. Plessner H. Die verspätete Nation. Stuttgart, 1962.
20. O'Sullivan D. Der Wille zur Macht – deutsche und russische Sonderwege aus westlicher Sicht // Luks L. / O'Sullivan D. (Hgg.) Russland und Deutschland im und Jahrhundert: Zwei «Sonderwege» im Vergleich. Köln/Weimar/Wien, 2001.